

На правах рукописи

ГРАДОБОЙНОВА Екатерина Владимировна

**ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ В 1650 ГОДУ:
ПРИЧИНЫ, ХОД СОБЫТИЙ, ИТОГИ.**

**Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.02 – Отечественная история**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент
Кузнецов Владимир Иванович

доктор исторических наук, профессор
Козлова Наталия Вадимовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
Юркин Игорь Николаевич
(Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН)

кандидат исторических наук
Лаптева Татьяна Александровна
(Российский государственный архив древних актов)

Ведущая организация:

Институт Всеобщей истории РАН

Защита состоится «__22__» мая 2012 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 1199991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова по адресу: 1199991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Г.Р. Наумова

1. ОБЩАЯ ХРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. XVII столетие в истории России является переходной эпохой между Средневековьем и Новым временем. После Смуты начала XVII в. перед новой династией стояла задача восстановления нарушенных связей всех сфер общественной жизни, необходимо было переосмыслить прошлое и определить пути дальнейшего развития страны с учетом опыта преодоления центробежных тенденций. В сфере политики, экономики, религии и культуры требовалась выработка решений, способствовавших укреплению государственности, усилению всех уровней власти.

В местном управлении происходило вытеснение характерного для XVI в. земского начала приказно-воеводской системой. К середине XVII в. воеводское управление распространилось повсеместно, но оно имело ряд существенных недостатков. В кризисных ситуациях царские представители, не имевшие прочных связей с местным обществом, оказывались неспособными влиять на население, вынужденное отстаивать свои интересы не только легитимными с точки зрения государства методами, но и в ходе различных по своим масштабам и последствиям социальных протестов. Середина XVII в. особенно насыщена волнениями в городах, в ходе которых население пыталось реализовать свои представления об обязанности государя править в союзе с «землей». Различные слои общества считали, что предоставлявший огромные полномочия сакральный характер фигуры царя одновременно налагал определённые обязанности¹. Поэтому местные конфликты, возникавшие как результат экономических и социальных диспропорций, зачастую требовали решения на общегосударственном уровне.

На сегодняшний день существует много трактовок феномена «бунта» – ситуации радикализации протестного поведения, находящей отражение в исторических источниках и народной памяти. «Бунт» рассматривается как источник радикальных идей городской демократии²; как регулятор традиционного общества, способ донесения до властей сигналов тревоги об общем бедствии³; как незапланированная реакция на действия властей, первыми прибегнувших к оружию для наведения порядка⁴; как источник дезинтеграции общества, знаменующий собой разрыв коммуникаций народа с

¹ *Лукин П.В.* Особенности русского общественного сознания в старообрядческих сочинениях XVII в. // *Мировосприятие и самосознание русского общества.* Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 42.

² *Кантор А.М.* Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века: Очерки. М., 1999. С. 87.

³ *Мауль В.Я.* Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI–XVII веков. Томск, 2003. С. 178.

⁴ *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 7–8.

властью⁵; как обратная сторона долготерпения русского народа⁶. Примеры могут быть умножены, но уже приведенные говорят об актуальности темы социальных конфликтов.

В свете современных концепций конфликтов исследователи-гуманитарии склоняются к тезису о временном характере протестного поведения отдельных личностей и социальных групп. Но, несмотря на обозримую временную ограниченность большинства конфликтов, именно в их контексте становятся очевидными различные аспекты функционирования общества и государства, проверяются на прочность идеологические основы и тенденции государственного строительства, система иерархических структур. Конфликтная ситуация всегда амбивалентна: с одной стороны, оппозиционные властям силы совершают ряд деструктивных действий, с другой – апеллируют к логике государственного блага, понимаемого в категориях определенной исторической эпохи. Амбивалентны и действия верховной власти: обладая аппаратом принуждения, она способна мобилизовать ресурсы для подавления оппозиционных настроений, хотя зачастую вынуждена искать сторонников на более устойчивых основаниях поощрения и заботы об интересах тех, кто препоручил ей управленческие функции. Поэтому актуальным является обращение к истории различных социальных взрывов не просто как к череде насильственных актов противоборствующих сторон, а как к диалогу власти и общества в кризисной ситуации.

Объект и предмет исследования. Объектом данного диссертационного исследования являются социальные протесты в Новгороде и Пскове в 1650 г. Предметом исследования – их причины, ход событий и основные итоги, рассмотрение которых позволяет сделать частные и общие выводы относительно специфики исторического развития Московского государства в середине XVII в.

Целью нового обращения к истории означенных событий является выявление механизмов взаимодействия власти и общества в условиях кризисов, порожденных природными катаклизмами, диспропорциями в социальной и экономической жизни, непродуманными политическими решениями. Посредством анализа моделей поведения вовлеченных в псковско-новгородские события личностей, социальных групп и институций предполагается выявить проблемы социума середины XVII столетия, являвшиеся ориентиром для последующей государственной политики молодого царя Алексея Михайловича. Основными **задачами** исследования являются: анализ проблемы перебежничества неэтнических шведов в Россию как фактора, ставшего предысторией мятежей; проблемы хлебного дефицита как причины всплеска народного недовольства; проблемы взаимодействия воеводского управления с земскими властными институтами в кризисных условиях; функционирования земских институтов в условиях развития конфликтов;

⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. Т. 2.: Теория и методология. Словарь. С. 88–89, 160.

⁶ Касьянова К. Особенности русского национального характера. М., 1993. С. 24.

характера информационной среды, которую удавалось долгое время поддерживать «заводчикам» для привлечения населения на свою сторону. Необходимо более обстоятельно ответить на вопрос о цене замирения, т.е. истинных масштабах боевых потерь, понесенных правительственной армией в ходе сражений с мобилизованным «заводчиками» населением. Новгородский и псковский мятежи интересны еще и тем, что их участники вскоре после принятия Соборного уложения 1649 г. совершили ряд незаконных действий, квалифицируемых как государственные преступления. Отсюда возникла ситуация полемики противостояния двух центров: Новгорода и Пскова в качестве городов-мятежников и Москвы в качестве охранительницы государственной воли и интересов. Челобитные «мира», ответные на них государевы грамоты и многочисленные сообщения очевидцев разворачивавшихся событий – пример того, как верховная власть столкнулась с неприемлемой трактовкой санкционированных ею указаний и пыталась убедить подданных воспринять другую интерпретацию событий, не «воровскую», «гилевскую», а легитимную, зафиксированную в формулах царских грамот.

Хронологические рамки исследования не ограничиваются 1650 г. в силу необходимости освещения русско-шведских отношений на протяжении нескольких предыдущих десятилетий, а также сыска и наказания «заводчиков» в 1651 г. как логического итога произошедшего.

Методологическая основа. Исследование выполнено на основе принципов историзма, диалектики и системности. Основным исследовательским методом, использованным в данной работе, является историко-генетический, как наиболее подходящий для раскрытия изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения⁷. В меньшей степени задействован историко-сравнительный метод. Это объясняется тем, что новгородский мятеж был менее продолжительным и не перерос в стадию открытого вооруженного сопротивления царским войскам.

Еще одним методом, применение которого позволяет глубже проанализировать исследуемые события, является историко-антропологический, дающий понимание психологических и ментальных установок людей того времени, объяснительных моделей социального и политического мироустройства. В центре внимания современного гуманитарного знания находится образ «другого», человека, который по-своему осознавал и переживал социальную и природную действительность и в соответствии с этим пониманием строил свое поведение⁸. Историческая наука выявила основные характеристики мышления народных масс XVII – XVIII вв., игнорирование которых ведет к схематизации происходивших процессов (традиционность, легковерие, огромная роль слухов, ориентация на обычай, вечный порядок, ритуальность и символизм, большая роль предсказаний и гаданий, особое понимание причинно-следственных связей⁹). В этой связи

⁷ Ковальченко И.Д. Метода исторического исследования. М., 2003. С. 184.

⁸ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007.

⁹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 22—29, 32, 40.

использование историко-антропологического метода позволяет сквозь призму уникальных случаев, жизненных ситуаций и индивидуального поведения в хорошо известных явлениях увидеть новые черты и новый смысл¹⁰.

Степень разработанности темы. Тема городских восстаний прошла заметную эволюцию. Первоначально она иллюстрировала различные концепции общего исторического процесса в трудах дореволюционных историков, убежденных в генетической связи событий на окраинах государства с бунтом 1648 г. в Москве (Е. Болховитинов, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов). Из них наиболее полно событийный ряд мятежей на основе архивных материалов восстановил С. М. Соловьев.

В советское время историки подробно рассматривали насущные интересы отдельных социальных групп и способы отстаивания данных интересов. Исследование новгородско-псковских событий в этот период главным образом было связано с именем М. Н. Тихомирова, интерес которого эволюционировал от роли в них мирских выборных органов до доказательства существования в городах (как и в деревне) середины XVII в. двух непримиримо враждебных социальных группировок, «верхушки» и «низов»¹¹. М. Н. Тихомиров доказывал, что мятежи подняли посадские люди, но решающую роль в них играли стрельцы, по которым тяжело ударил ряд правительственных мероприятий 1647–1649 гг. С точки зрения идеи классовой борьбы, итоги мятежей никаких прогрессивных последствий не имели; борьба, по выражению М. Н. Тихомирова, лежавшая в основе восстаний была глубокой и неустранимой для Московского государства XVII в.

Важной для понимания ряда общих закономерностей городских мятежей стала монография Н. Н. Покровского, посвященная томскому восстанию 1648 года¹². В ней констатировалось, что волна типологически схожих социальных протестов середины XVII в. четко обозначила противостояние мирского и воеводского понимания государственной власти. Участие земщины, «миров» в государственном управлении признавалось нежелательным, и поэтому власть все больше двигалась по пути укрепления абсолютистской бюрократии.

В постсоветский период наблюдалось некоторое игнорирование проблематики социальных конфликтов в силу трансформации научно-исследовательских целей и задач. На сегодняшний день можно констатировать возрождение интереса к конфликтным ситуациям прошлого. Историки стали пересматривать тезис о перманентности выступлений «эксплуатируемых классов против эксплуататоров»; внимание сосредоточилось не на причинах

¹⁰ Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные и убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 19. См. также Козьменко В.М. Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001 / 2002. М., 2002. С. 3–6.

¹¹ Тихомиров М.Н. Псковское восстание 1650 года. М., 1935. *Он же*. Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 г. // Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. *Он же*. Классовая борьба в России. М., 1969.

¹² Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 78.

социальных конфликтов, а на выявлении пружин-катализаторов взрывного механизма бунтов¹³.

В отношении анализируемых событий укоренилось мнение о продовольственном кризисе как их главной причине¹⁴. Основные пружины бунта в Пскове историк В. А. Аракчеев определил как недостаток информации и конъюнктурные обстоятельства, связанные со страхами средневекового человека (страх голода, страх перед возможной войной, тотальное недоверие к власти)¹⁵. Появилось мнение об авантюрном замысле мятежников, якобы намеренно пустивших слух о близящемся нападении Швеции на Псков и Новгород для захвата власти¹⁶. На современном этапе развития историографии делаются также попытки выработки наиболее подходящих терминов для описания конфликтных ситуаций. Д. А. Ляпин настаивает на необходимости употребления терминов самих источников XVII в. – «мятеж» и «смута». В представляемой диссертации для характеристики новгородского конфликта, не перешедшего в стадию вооруженного противостояния властям, используется термин «мятеж». Термин «восстание» употребляется при анализе псковских событий начиная с этапа, когда требования широких слоев общества приняли весьма радикальный характер, их список существенно расширился по сравнению с первоначальным, а методы борьбы стали насильственными.

Согласно представленным историографическим вехам, некоторые аспекты псковско-новгородских событий были проанализированы достаточно детально, в то же время определенный спектр вопросов затрагивался лишь тезисно или вовсе опускался. Составлена хронология конфликтов, освящен вопрос противостояния интересов высших и низших слоев общества в ходе мятежей, частично – процесс выработки и реализации правительственных мер по усмирению возмущенного населения и др. Но мало исследованы вполне конкретные реалии, предшествовавшие апогею мятежей. Сами боевые действия близ псковских крепостных стен оказались также в тени исследовательского интереса, хотя трехмесячный период с июля по август 1650 г. исследователи определили как широкомасштабные военные действия. Не было уделено должного внимания мерам и характеру той власти, которая установилась в городах в период блокады полномочий воеводских изб, и ряду других вопросов. Их рассмотрение входит в задачи данного исследования.

Имеющиеся историографические лакуны потребовали привлечения значительного круга **источников**, составленных от лица:

1. государя и центральных органов управления (царские грамоты, адресованные мятежникам и противостоявшим им слоям населения, новгородским, псковским и другим уездным воеводам, И. Н. Хованскому,

¹³ Аракчеев В.А. Псковский край в XV-XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 237.

¹⁴ «Мятежное время: Следственное дело о новгородском восстании 1650 г.» / Сост. Коваленко Г.М., Лаптева Т.А., Соловьева Т.Б. Кишинев; СПб. 2001. С.4.

¹⁵ Аракчеев В.А. Псковский край... С. 257.

¹⁶ Ляпин Д.А. Волнения в русских городах в середине XVII в. // Вопросы истории, 2010. №4. С. 15-27.

митрополиту Никону, архиепископу Макарию, миротворческой делегации епископа Рафаила; наказные памяти посылавшимся в города царским представителям, документы о заседаниях Земского собора и др.);

2. светских и духовных иерархов, а также посланных в мятежные города глав сыскных комиссий и земского представительства (Псков) (отписки новгородских и псковских воевод, И. Н. Хованского, епископа Рафаила, митрополита Никона, архиепископа Макария, Ф. Ф. Волконского, грамоты патриарха Иосифа и др.);

3. рядовых участников:

а) самих мятежников (челобитные на имя государя, расспросные речи, повинные челобитные и др.);

б) противостоящих им слоев населения, в том числе служилых людей, усмирявших Псков в составе армии И. Н. Хованского (расспросные речи, челобитные о выдаче жалованья за псковскую службу, о разорении имений; явочные челобитные о неучастии в мятежах; записи о подаче явочных челобитных о нападении восставших на дворы, о принуждении площадных подьячих восставшими писать документы в земской избе и проч.);

в) очевидцев событий (расспросные речи представителей разных сословий; изветы на мятежников; записи о подаче явочных челобитных о присвоении восставшими ключей от городских ворот, о нападениях на иностранных подданных и др.);

4. иностранных подданных (письма шведского дипломата Карла Померенинга и шведского торгового представителя Юхана де Родеса королеве Кристине¹⁷).

Ранее опубликованные источники по истории псковского мятежа (К. И. Якубовым, М. Н. Тихомировым) не исчерпывают собой весь спектр документов по данному делу. В фонде Разрядного приказа также сохранились значительные материалы, которые вводятся в научный оборот впервые. Во-первых, это челобитные служилых людей с просьбами пожаловать за участие в подавлении псковского восстания, практически идентичные по форме, но частично отличающиеся друг от друга по содержанию¹⁸. Все челобитные можно подразделить на собственноручно поданные непосредственно в Москве и на поданные через родственников или доверенных лиц. Кроме того, встречаются челобитные (также коллективные или частные), составленные

¹⁷ Часть источников иностранного происхождения еще ждет своего научного издания. Например, письма Адольфа Эберса (Эбершельда), управлявшего Шведским торговым двором в Новгороде в 1645–1656 гг., следовательно, бывшего в отличие от Померенинга и Родеса очевидцем событий. Г.М.Коваленко, работавший с ними, привел несколько наблюдений Эберса, который оценивал события с точки зрения экономических интересов Швеции. *Коваленко Г.М. Адольф Эберс о новгородском восстании 1650 г. // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 39–42.*

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Новгородский стол. Столбцы. Ед. хр. 102. РГАДА. Ф. 210. Разряд. Новгородский стол. Столбцы. Ед. хр. 77.

вдовами погибших служилых людей или другими их родственниками. В первых государево жалованье испрашивалось на восстановление личной боеспособности (на лечение ран, покупку обмундирования и вооружения, побитых лошадей), во вторых – «на поминку» убитого родственника.

Челобитные о жалованье иногда сопровождаются контрольными выписками из донесений И. Н. Хованского о потерях в рядах его армии или показаниями одних служилых людей относительно достоверности пребывания на службе других. Если человек, о котором дознавались в Разряде, все-таки объявлялся «в нетех», то выданное ему жалованье взыскивалось с давшего ложные показания.

Необходимость выдачи жалования закономерно породила и челобитные, связанные с его несправедливым распределением.

Из фондов Разрядного приказа также происходят донесения воеводы И. Н. Хованского, сопровождавшиеся списками раненых и убитых во время сражений с псковичами¹⁹. Воевода фиксировал потери в своих записных книгах, а отписки посылал в Москву с «нарочитым гончиком». В отпускных грамотах воевода подтверждал несовместимость полученных ранений с дальнейшим несением ратной службы. Достоверность воеводских заключений относительно степени тяжести ранений скрупулезно проверяли в Разрядном приказе. Случаи, когда воевода не присылал в Разряд сведений о ранении кого-либо из служилых людей, встречаются, но крайне редко, и после проведения разбирательства подобные делопроизводственные недочеты устранялись.

Благодаря привлечению охарактеризованных источников, удастся получить информацию следующего характера: поименно выявляется значительная часть армии, подошедшей к стенам мятежного города для усмирения повстанцев; составляется неизвестная ранее статистика боевых потерь с весьма точным указанием на характер полученных ранений; рельефнее выступает картина социальных последствий кровопролитного противостояния Пскова и Москвы. Все эти данные были сведены в таблицу, вошедшую в обширное приложение.

Также ранее не публиковались коллективные челобитные служилых людей о тяжелом положении под Псковом, челобитные псковичей, доказывавших свою оппозиционность по отношению к власти повстанцев²⁰ и многочисленные документы, относящиеся в большинстве своем ко времени, когда символические процедуры замирения мятежного города были завершены и началась широкомасштабная деятельность по выявлению зачинщиков конфликта, решению их дальнейшей судьбы и по восстановлению правомочности воеводской администрации (царские грамоты, отписки новгородского и псковского воевод, расспросные речи о верности дворян-псковичей крестному целованью в период восстания и проч.)²¹.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Новгородский стол. Столбцы. Ед. хр. 77. Л. 114.

²⁰ Там же. Ед. хр. 87. Л. 8.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 2. 1650 г. Ед. хр. 98.

В отличие от псковского восстания, источники по истории новгородского мятежа в основном опубликованы. Исключением являются документы о посылке служилых людей в вотчину бывшего новгородского воеводы С. Урусова. Примечательна последовательность их введения в широкий научный оборот, которая наглядно демонстрирует, на какой материал опирались историки разных поколений при вынесении своих суждений.

В 1964 г. М. Н. Тихомиров опубликовал восемь документов из фонда Посольского приказа (Ф. 96), в том числе так называемую «вторую» челобитную новгородцев, но без списка лиц, скрепивших челобитную своим рукоприкладством²². В 1981 г. В. М. Панеях опубликовал 14 документов из новгородской записной книги явок 1649/50 г.²³. Лишь в 2001 г. впервые в наиболее полном объеме было опубликовано следственное дело о новгородском мятеже 1650 г., хранящееся в РГАДА²⁴. Часть второстепенных документов в сборнике не публиковалась, но полнота отображения важнейших событий этим не нарушается. Составители сохранили структуру следственного дела и порядок, который сложился в ходе приказного делопроизводства с целью повышения информативности документов: такой принцип публикации позволяет проследить последовательность получения известий Москвой, оперативность реагирования на них и проч²⁵.

Помимо источников, связанных непосредственно с новгородско-псковскими событиями, для их контекстуального анализа привлекались указы воеводам других городов и их отписки, сведения о перебежчиках из Швеции, материалы «Нарымского дела», нормы Соборного уложения, к которым апеллировала власть, выстраивая систему обвинений против мятежников. Весь означенный спектр документов позволяет решать вопросы, поставленные в данном исследовании, а также косвенно указать на возможность привлечения типологически близких источников для изучения проблем взаимодействия власти и общества в кризисных ситуациях.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые была рассмотрена предыстория волнений 1650 г., связанная с динамикой русско-шведских отношений и существенным ростом цен на продовольствие в конце неурожайного года.

Анализ источников по истории новгородского мятежа позволил доказать, что он также отразил ряд диспропорций в социальной жизни общества и был явлением более заметным, нежели утверждалось предыдущей историографией.

В результате хронологически ориентированного исследования псковских событий удалось более точно установить главное содержание его основных этапов, прояснить специфику диалога власти и общества, спектр и мотивацию звучавших в нем взаимных требований. В диссертации показано, что

²² Документы о Новгородском восстании 1560 г. // Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.

²³ Панеях В.М. Новые материалы о новгородском восстании // Вопросы истории, 1981, №2.

²⁴ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. 1650. № 3. Ч. 1.

²⁵ «Мятежное время: Следственное дело о новгородском восстании 1650 г.» / Сост. Коваленко Г.М., Лаптева Т.А., Соловьева Т.Б. Кишинев; СПб. 2001. С. 9.

восприятие самой мятежной власти было весьма неоднозначным: «меньшие люди» критиковали ее за умеренность в жизненно важных вопросах, а верхушка служилого города – за кровавые расправы и неподчинение царским указам.

Фактически впервые был подробно рассмотрен этап вооруженного противостояния Москвы и Пскова, определен характер боевых потерь в рядах правительственной армии и трудностей, ее подстерегавших.

Кроме того, был проанализирован тонкий политический процесс по нейтрализации основных «заводчиков» мятежа, инспирированный уже после официального отпущения псковичам их вины, и ряд других вопросов.

Практическая значимость. Выводы диссертации и вводимые в научный оборот архивные материалы могут быть использованы при разработке учебных курсов по отечественной истории, спецкурсов по истории массовых социальных протестов. Кроме того, материалы таблиц приложения могут быть полезны при изучении истории служилого сословия.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации отражены в реферируемых изданиях. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и рекомендована к защите.

2. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В соответствии с поставленными целями и задачами структура работы выстроена по проблемно-хронологическому принципу. Новгородские события как более компактные по времени рассмотрены в отдельной главе, в которой анализируются основные выявляемые по источникам моменты конфликта. Псковские события исследованы в рамках нескольких этапов, ознаменовавшихся радикализацией требований населения и нежеланием смириться с предложенным властями алгоритмом действий в условиях сложившегося кризиса.

Диссертация состоит из введения, 6 глав, заключения, списка архивных материалов и опубликованных источников, списка литературы и приложения с таблицами.

Во Введении содержится постановка проблемы, формулируются цели, задачи, определяются хронологические рамки и методы исследования; дается обзор научных работ, в которых новгородский и псковские мятежи фигурировали в качестве предмета исследования; классифицируются и характеризуются основные документы, на базе которых написано представляемое диссертационное исследование.

Глава 1 «Предпосылки новгородско-псковских событий 1650 г.» состоит из трех параграфов.

В § 1 «Русско-шведские отношения накануне псковского и новгородского мятежей 1650 г.» показано, что к середине XVII в. русско-шведские отношения были достаточно напряженными. За время после подписания Столбовского

мирного договора 1617 г. на территорию Московского государства из-за суровой фискальной и религиозной политики перебежало значительное количество неэтнических шведов. В параграфе осящаются попытки урегулирования данной проблемы посредством пресечения незаконных переходов границ, обмена перебежчиками и выплаты денежной компенсации за людей, уже обосновавшихся на территории Московского государства. На часть выплачиваемой суммы Швеции разрешалось закупить на севере хлеб, что сыграло существенную роль при возникновении анализируемых конфликтов. В ситуации недорода население пограничных территорий обвинило «немцев» в намерении использовать сложившийся кризис ради реализации своих внешнеполитических захватнических планов.

В § 2 «Причина мятежей 1650 г.: хлебная "скудость" и "дороговизна большая"» излагается ситуация хлебного недорода и последующего роста цен, о которой центральная власть была информирована, но предпочла ее проигнорировать во имя определенных внешнеполитических интересов.

Псковичи, вынужденные в конце зимы покупать хлеб по дорогой цене, были возмущены торговыми операциями купца Ф. Емельянова и намерением правительства большую половину стратегического зернового запаса продать потенциальному врагу государства. В Новгороде хлебный дефицит усугублялся дополнительными факторами. Согласно царскому указу, еще зимой было запрещено вывозить в Швецию продовольствие, но новгородский воевода Ф. А. Хилков разрешал экспортировать его и русским купцам, и «немцам». Вдобавок к этому, московский торговый человек М. Облезов скупал хлеб в уезде, также ограничивая его поступление на внутренний рынок.

Указанные обстоятельства слились в народном сознании в четкое убеждение, что распоряжения относительно хлеба исходят от пособников иностранной державы в составе центрального правительства и принимаются не в интересах царских подданных. Жители Новгорода и Пскова решились собственными силами приостановить действие несправедливых с точки зрения «мирских» интересов распоряжений и донести до царя реальную ситуацию.

В § 3 «Специфика приказно-воеводской системы середины XVII в. как фактор усугубления новгородско-псковских событий» для выявления причин беспомощности воеводской власти, отсутствия у нее авторитета и эффективного механизма управления, анализируется система взаимодействия, сложившаяся к середине XVII в. между воеводскими и земскими институциями²⁶. К середине XVII в. приказно-воеводская система, не

²⁶ Подробнее см. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909–1912. Т. 1. *Булгаков М.Б.* О хозяйственных функциях воевод в первой половине XVII в. // Государственное управление: история и современность. М., 1998. *Он же.* Структуры посадского самоуправления на государственной и мирской службах в XVII веке // Вопросы истории. 2006, № 4. *Градовский А.Д.* Системы местного управления на Западе и в России // Сборник государственных знаний. Т. VI. СПб., 1878; *Игнатов В.Г.* История государственного управления России. М., 2002; *Чистяков О.И.* История отечественного государства и права. Ч. I. М., 1999; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России XVII в. М., 1858; *Швейковская Е.Н.* Российский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI–начала XVIII века. М.,

ликвидировавшая полностью местных специфических структур управления, достаточно укоренилась. При этом она обладала рядом недостатков, которые население терпело в более или менее благоприятные периоды экономико-социального развития, но резко критиковало в кризисных ситуациях. Главные из них – зависимость воевод от скрупулезных, не унифицированных наказов центральной власти; кормленческий характер воеводской службы; отсутствие каких-либо оперативных механизмов пресечения серьезных злоупотреблений со стороны отдельных представителей воеводской администрации. Все эти факторы сыграли существенную роль в усилении мятежных настроений.

В Главе 2 «Новгородский мятеж: развитие и итоги» подробно изложен ход и итоги мятежа, начиная с 15 марта 1650 г. вплоть до начала 1651 г., когда было принято решение о смягчении участи преступников.

В § 1 «Новгородский "мир" в первые дни мятежа» излагаются стихийные действия новгородцев, предпринятые против датского посланника И. Краббе и верхушки купеческого сословия, заподозренной в причастности к вывозу хлеба за рубеж. Как способ демонстрации общесословного единства рассматривается попытка «мира» организовать сбор «рукоприкладств» под записью о намерении твердо отстаивать свою позицию.

Также анализируется ситуация конфронтации лидеров мятежа с митрополитом Никоном. В значительной степени ее предопределило использование митрополитом канонического церковного права в качестве способа укрепления власти в богатой митрополии. Доказывается, что широкое распространение и разнообразная функциональная нагрузка такого явления жизни средневекового общества, как гадания позволили митрополиту временно нейтрализовать своих влиятельных соперников. Далее рассматривается начальный этап конфронтации земских представителей с воеводой, попытавшимся ограничить право обращения к царю с челобитьем о мирских нуждах.

В § 2 «Слухи как действующий фактор мятежа» на основе сведений источников подтверждается, что стихию бунта подогревали многочисленные слухи. Они являлись для общества того периода не просто аналитической формой причинно-следственных связей различных явлений, но и зачастую непосредственным руководством к действию. Актуализация различных слухов происходила в зависимости от реальных намерений масс; из всего потока «народной молвы», донесений и расспросных речей отбирались те «факты», которые в наибольшей степени подкрепляли уже сложившееся восприятие и трактовку событий.

В § 3 «Власть в городе и требования новгородцев в период правления "мятежной" земской избы» анализируется составленный при И. Жеглове и И. Молодожникове, временно возглавлявших земскую избу, основной список требований новгородского «мира». В целом челобитные новгородцев сводились

2012. Подробнее о кормлении как основном способе содержания аппарата управления см. *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда в России в XVII веке). СПб., 2000.

к достаточно частным проблемам, они не были рассчитаны на привлечение широких слоев общества, терпевших те или иные притеснения со стороны местных властей. Значительное место в них отводилось деятельности митрополита Никона, активность которого трактовалась как желание нарушить незыблемые традиции древнего города. Рассматриваются также озвученные новгородцами причины недовольства воеводой Ф. А. Хилковым: упущения в хозяйственной и оборонной деятельности, нелегальный способ наживы за счет невыполнения царских указаний. Для анализа спектра социальных групп, поддержавших мятежников, приводятся подсчеты подписей на челобитных.

Разбирается позиция, занятая центральной властью в отношении действий мятежников, и законный с ее точки зрения вариант урегулирования конфликта.

В этом же параграфе анализируются действия земских структур, свидетельствующие об осознании ответственности за поддержание в городе сложившегося миропорядка, за пресечение возможности дальнейших грабежей.

В § 4 «Меры центральной власти по усмирению мятежа и сыскное дело по выявлению его зачинщиков» рассматриваются различные попытки центрального правительства выработать действенный способ урегулирования конфликта: грамоты с уговорами, присылка нового главы стрелецких формирований и следственной комиссии И. Н. Хованского, указания воеводам близлежащих городов о пресечении контактов мятежников с уездным населением; сокращение еженедельной строевой службы заонежских солдат как потенциальных союзников возмущенного «мира».

В параграфе излагаются меры вошедшего в город И. Н. Хованского по восстановлению нарушенной системы управления. Анализируются символические акты принесения вины перед местными иерархами, а также покаянные челобитные новгородцев, в которых произошедшие события трактовались в контексте идеи «Божьего батога» за массовое совершение греховных деяний. Покаянные челобитные, помимо этого, продемонстрировали фиксацию «послужных списков» отдельных личностей и целых сословий их исторической памятью. Это позволяло при необходимости напомнить верховной власти о былых заслугах с целью получения особых привилегий или оправдания недолжного поведения.

При рассмотрении карательных мероприятий правительства в отношении выявленных «воров и заводчиков» подчеркивается, что прагматический аспект законодательства к моменту начала мятежа 1650 г. не был четко отработан и пострадал в виду особой ситуации, которая в случае применения должной санкции могла иметь еще более серьезные последствия. Этим объясняется менее строгое, чем предписывалось Соборным уложением 1649 г., наказание мятежников.

Глава 3 «Псков: от мятежа к восстанию» состоит из двух параграфов.

В § 1 «Первый этап псковского мятежа: конец февраля – начало апреля 1650 г.» рассматривается его основное содержание, итогом которого стала блокировка деятельности съезжей избы во главе с воеводой Н. С. Собакиным, подрыв авторитета духовной власти архиепископа Макария, покровительствовавшего некоторым антагонистам псковского «мира», и

переход главных управленческих функций к земской избе. На основе изложенных действий земского общества, предпринятых во имя приостановления хлебных операций, констатируется зыбкость сложившейся к середине XVII в. системы управления, обладавшей весьма хрупким иммунитетом, несмотря на присущее социуму того времени глубокое убеждение в иерархичности миропорядка и земных властных институтов.

Анализируются шаги верховной власти, предпринятые в расчете на эффект сочетания мирного диалога с решительными намерениями относительно сыска по факту нарушения норм Соборного уложения 1649 г.

В § 2 «Перерастание псковского конфликта в стадию восстания (апрель – 28 мая 1650 г.)» рассматривается следующая попытка псковичей донести до государя «мирскую» «правду» о произошедших событиях. Ее формальным воплощением стало составление так называемой «Большой челобитной», в которой отразилась существенная эволюция требований мятежников.

По версии «Большой челобитной», в действиях «мира» не было намерений «скопа и заговора». Свое упорство псковичи объясняли вынужденностью лишиться властных полномочий ненадежных представителей центра в отдаленном от него уезде. В челобитной прозвучала критика и в адрес центрального правительства, завуалированная формой нелестных сравнений с временами Ивана Грозного.

Весь спектр «мирских» проблем позволяет констатировать, что к 1650 г. социальный миропорядок в городе был значительно подорван, «правда» не соблюдалась во многих сферах городского управления. Seriously страдали от нововведений и безнаказанных действий властей как политическая и социальная, так и духовная сферы. Изложенные «обиды» касались широких слоев городского населения, поэтому действия мятежников были столь активно ими поддержаны.

Псковичам в соответствии с их народно-монархическими идеалами представлялось, что, указывая государю на причины социальных бедствий, они помогают в осуществлении правильного, законного управления его вотчиной.

В параграфе представлена ответная реакция верховной власти, обвинившей подданных в незаконном вмешательстве в государственную политику. Как и в случае с Новгородом, правительство искало конкретных зачинщиков мятежа и в качестве причин его возникновения рассматривало субъективные факторы, игнорируя объективные социальные проблемы, перечисленные в «Большой челобитной». Москва критиковала деяния, связанные с покушением на прерогативы царя, отстаивая тем самым свой суверенитет и абсолютистские устремления. В ответной царской грамоте отразился, таким образом, образ верховной власти, в котором она представала перед своими подданными. В риторике ответных челобитных содержалась дидактика, наставления, но не призыв к диалогу и обсуждению возникавших проблем в соответствии с местными условиями, бытовыми и хозяйственными реалиями. Государь не отказывался от исполнения исконных патерналистских обязательств, но рассмотрение мирских жалоб ставилось в зависимость от

выдачи «заводчиков» мятежа, решившихся открыто критиковать посланные из центра указы.

Главе 4 «Вооруженное противостояние мятежного Пскова и армии И. Н. Хованского» посвящена силовому противоборству восставших псковичей и правительственной армии, predeterminedенному тщетностью царских уговоров, не подкрепленных реальными мерами по разрешению сложившейся проблемы. В ней излагается ряд трудностей, с которыми изначально столкнулись подошедшие к городу войска. Основными из них были недостаточное количество ратников для полной осады города и эффективные совместные действия мятежников с завербованным населением уезда, осуществлявшем грабежи по «памятям» из псковской земской избы.

Произведенные подсчеты доказывают, что кровопролитное сражение 12 июля не было решающим; бои продолжались вплоть до августа 1650 г. Всего за период с 28 мая по 19 августа, согласно росписям боевых потерь И. Н. Хованского, непосредственно вблизи крепостных стен произошло не менее 26 сражений. Ряд сражений состоялся на дорогах и в псковских пригородах.

Преобладание у правительственных ратных людей пулевых ранений и существенное количество убитых подтверждает активное участие стрелецкого войска в отстаивании выдвинутых мятежниками требований на всех этапах социального конфликта. Это свидетельствует о переходе Пскова на режим осажденного города с жесткой военизированной структурой и твердым намерением бороться против И. Н. Хованского, воспринятого в качестве государева изменника и неприятеля, идентичного по своим замыслам известным псковской истории «немцам-обманщикам». Служилые люди «по отечеству» из армии И. Н. Хованского продемонстрировали гораздо меньшую организацию, нежели осажденные псковичи. Воевода указывал в своих отписках на многочисленные «отходы» из лагеря, вызванные нехваткой продовольственных и других материальных ресурсов и боязнью за судьбу близлежащих поместий с проживавшими в них родственниками.

В Главе 5 «Поиски компромисса в условиях "осадного сиденья" (28 мая – 17 августа)» анализируются основные действия земской власти, вытеснившей из системы административного управления съезжую избу, а также отношение к ней различных слоев городского сообщества.

Сохранявшие верность крестному целованию псковичи квалифицировали установившиеся порядки как «убойство и грабеж», «гилевщину» и «крестному целованью нарушенье». «Меньшие люди», напротив, критиковали мятежников за умеренность, требовали раздачи хлеба из стратегических запасов города. Но конфискация зерна из казенных житниц означала бы профанацию уверительных формул о «радении» государю, о желании защитить его вотчину. Поэтому, осуществляя управление городом, лидеры мятежа стремились пресекать потенциальную опасность воцарения в городе абсолютной анархии, карали за откровенно уголовные намерения, зачастую не связанные с проблемой хлебной нехватки.

В этой же главе рассматривается попытка верховной власти привлечь к усмирению мятежа земское представительство, формально не связанное с дискредитировавшими себя в глазах населения боярскими кругами. Возглавленное епископом Рафаилом, оно сумело наладить диалог с псковичами, что подтверждает важную роль лиц, действовавших на грани церковности и государственности, в процессе оптимизации отношений личности, общества и власти. Кроме того, продолжение сопротивления требовало от лидеров восстания четкого политического самоопределения, и в этой ситуации их декларации начинали противоречить объективной реальности. Оборона за крепостными стенами означала необходимость поиска союзников, но Швеция представлялась вражеским государством, а обращение к Литве за военной помощью если и было инициировано, то оказалось безуспешным. Альтернативы подчинению центральной власти Московского государства у псковичей не существовало.

В Главе 6 «Усмирение мятежного уезда» излагается ход широкомасштабного розыска, результатом которого стало выявление зачинщиков мятежа и поимка разбойничьих банд, грабивших уезд уже после нового крестоцелования. В отношении девяти «заводчиков» потребовалось проведение тонко инспирированного процесса, завершившегося извещениями и выдачей воеводской администрации непосредственно самим псковским «миром» главных нарушителей принятого основного закона; рядовых «шишей», не имевших значительного влияния на земские структуры, напротив, приказывалось казнить без скрупулезного сбора улик.

В Заключении приводятся частные и общие итоги мятежей в Новгороде и Пскове.

На примере поисков компромисса с мятежными городами удалось проследить значимость процесса оптимизации отношений между обществом и властью в реалиях России середины XVII столетия. Поиски золотой середины между местными земскими институтами и абсолютистскими притязаниями оказывали существенное влияние на самосознание общества и на политику верховной власти, вынуждая ее лавировать между противоборствующими тенденциями и установками.

Удалось доказать, что характер взаимоотношений власти и общества был весьма непростым: периоды «тишины» сменялись массовыми волнениями, в ходе которых каждая из сторон выдвигала свои требования и действовала методами, соответствовавшими определенному моменту и соотношению сил. В ходе мятежей требования населения претерпели эволюцию: от необходимости решения продовольственной проблемы до широкого списка вопросов местного и общегосударственного значения. Методы отстаивания сформулированных претензий к власти были как мирные – посредством челобитья на имя государя через избранных представителей, так и силовые – самовольная расправа с личностями, злоупотреблявшими вверенными им полномочиями, а в случае с Псковом – вооруженное сопротивление значительным военным силам.

В той форме власти, которую осуществляли «заводчики» мятежа, нашли воплощение основные выделяемые исследователями черты общественно-

политической доктрины городской демократии: советно-мирской характер; отделение личности царя от государства, бунт как высшее выражение активности городского демоса, допускающего применение насилия²⁷. В Пскове, оставшись единственным властным институтом, земская изба рассматривала сложившуюся ситуацию (и внушала затем это восприятие более широким слоям общества) через традиционную для средневековья призму оппозиционных категорий «мы» и «они», «свои» и «чужие». «Чужими» провозглашались все те, кто стоял на пути воплощения желаемого в жизнь²⁸. В источниках отразились многочисленные картины пыток, ограблений, издевательств, казней, объяснение которым пытается найти современная историография. Одна из версий базируется на идее миметизма – подражательности, органически присущей народному сознанию²⁹. В своих деструктивных формах он проявлялся в копировании государственного репрессивного аппарата, в стремлении посредством казней продемонстрировать господство над жизнью и судьбой человека, связанного с враждебными для «мирских» интересов силами. При учете новаторских трактовок психологии поведения отдельных личностей и целых сообществ, важно не дискредитировать и социально-экономических факторов: только захватив власть в свои руки, мятежники могли санкционировать перераспределение скудных ресурсов посредством разграбления житниц состоятельных слоев общества. В этом проявился не миметизм, воспроизведение действий властей, а напротив, намерение осуществить то, с чем власти не справлялись.

Требования верховной власти заключались в подчинении распоряжениям центра, в принятии выработанного алгоритма действий в кризисных ситуациях. Ее методы также четко делятся на мирные и силовые. Общество и власть не гнушались и различных методов авантюрного характера: если центральная власть стремилась подкупить основных руководителей мятежей, то Г. Демидов в обращении к И. Н. Хованскому «писался» царским именем, фактически продолжая традицию самозванцев, выдававших себя за правящее лицо во имя достижения определенных политических целей. Как общество, так и власть обращались к предшествующему историческому опыту; каждая противоборствующая сторона находила в нем примеры, подтверждавшие ее правоту, свидетельствовавшие о причинно-следственных взаимосвязях тех или иных явлений.

Новгородско-псковские события наглядно продемонстрировали сложности вступления в силу нового основного закона Московского государства – Соборного уложения 1649 г. Свод законов, составленный из сохранявших свою актуальность русских постановлений с привлечением византийского и литовского права, являлся не просто систематизацией обычного права, но и крупной реформой. Это означало, что в определенных сферах общественных отношений прерогативу на первичность сформулированных норм предстояло

²⁷ Кантор А.М. Духовный мир русского горожанина... С. 81.

²⁸ Мауль В.Я. Харизма и бунт... С. 95.

²⁹ Там же. С. 147.

еще «отвоевать». В частности, Соборное уложение закрепляло норму, согласно которой населению запрещалось приходить «скопом» к представителям центральной власти на местах. Кодифицируя это положение, центральная власть охраняла в первую очередь свою собственную автономию и суверенитет, так как воеводы и подчиненный им аппарат осуществляли распоряжения именно Москвы. Для местного же населения они являлись главным образом «кормленщиками», заинтересованными исключительно в извлечении прибыли на тех территориях, куда они назначались. Мысль о невозможности отстранить подобного деятеля, о невозможности донести напрямую до царя информацию о местных проблемах пока не отвечала воззрениям земских «миров». Таким образом, укоренение правопорядка, к которому власть стремилась принимая новое Уложение, было делом будущего. Об этом свидетельствует еще долгое брожение умов, наблюдавшееся в обоих городах уже после актов символического переоформления нарушенного в ходе мятежей договора между обществом и государством.

Особый статус духовной власти способствовал тому, что во всех рассмотренных перипетиях ей отводилась роль посредника и миротворца. Там, где взаимоотношения государственной власти и общества заходили в тупик, надежды возлагались на авторитетных духовных иерархов, способных успокоить население, пообещать защиту и покровительство. Эта идеальная модель, как показали конфликты 1650 г., не всегда срабатывала. Нарушение самими духовными властями правильного миропорядка освобождало от необходимости им подчиняться, и добиться возврата утраченного авторитета было не просто.

Новгородско-псковские события отразили восприятие подданными фигуры Алексея Михайловича на момент первых лет его царствования. В целом, мнение о царе как о посреднике между Богом и людьми никем не оспаривалось, но конкретные распоряжения могли серьезно дискредитировать правителя, которому еще предстояло закрепить в сознании подданных ассоциацию своей личности с верховной властью как таковой.

В каком бы ключе мы не рассматривали итоги новгородского и псковского мятежей – с позиции проигрыша мятежников или с позиции их победы (сумели повлиять на смещение воевод) – одно совершенно очевидно: проанализированные перипетии сравнительно короткого исторического периода имели весьма важное значение в выборе молодым монархом дальнейшего курса на укрепление своего шаткого авторитета. Важно, что впоследствии фактором при решении судьбы конкретного человека или представителей определенной корпорации была и готовность способствовать центральной власти в реализации инспирированных ею мер. В этой связи понятен смысл оправдательных документов, возникших после усмирения мятежей. Все, от политически весомых фигур до рядовых служилых и посадских людей, стремились оправдаться перед государем, показать, что даже в условиях угрозы личной безопасности они отстаивали в первую очередь его интересы. Те же, кто «смутился», встал на сторону мятежников, каялись в содеянном и обещали впредь верно служить государю. Гарантией тому были

формулы о верноподданническом служении в предшествующие исторические периоды, на фоне которых ожидалось прощение отдельных случаев брожения. Итак, произошедшие события накладывали отпечаток не только на дальнейшую политику царской власти, но и на общественное сознание: в нем постепенно укоренялись идеи централизации власти, действующей через своих представителей по общим моделям, выработанным для унификации управления. От действий, мешавших укоренению институтов власти, упрочнению авторитета монархии, с конъюнктурной точки зрения целесообразнее было отмежеваться.

В целом, мятежи в Новгороде и Пскове в 1650 г. явились разновидностью многоликих социальных конфликтов и в этом статусе прошли закономерные этапы от начальной точки отсчета – стихийного взрыва недовольства, до завершающей – компромисса между противоборствующими сторонами. В череде этих событий вершились судьбы отдельных людей, корректировался состав целых корпораций, происходило взаимовлияние власти и общества друг на друга.

Основные положения диссертации отражены автором в следующих публикациях:

1. Градобойнова Е. В. Вооруженное противостояние мятежного Пскова и армии И. Н. Хованского в 1650 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. история. 2011. № 3. С. 22-34. (рекомендован ВАК РФ).
2. Градобойнова Е. В. Документы Разрядного приказа о Псковском мятеже 1650 г. // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 23-32. (рекомендован ВАК РФ).